

Во-вторых, в условиях множественности моральных перспектив, экспертных оценок, последствий научно-технологических новаций, связанных в том числе и с проводимыми экспериментами над телом и мозгом человека, которые несут угрозу существованию человека, возникает необходимость проведения гуманитарной экспертизы, которую бы могла осуществлять философия вместе с другими общественными институтами.

Список литературы

1. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы. / Журнал «Логос». – 2014. – №1. – С. 1–18.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр./ Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
3. Богданова М.А. Абросимова Л.С. Концепт человеческой телесности: междисциплинарный синтез: монография / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2018. – 108 с.
4. Маркова Л.А. 2014. Трансформации междисциплинарности в контексте социальной эпистемологии / Философия науки и техники – №1 – Том 19. – С. 27–37.

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ФИЛОСОФИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Величко С. А.,

кандидат философских наук, доцент

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

В статье рассматриваются особенности постижения феномена человеческой смертности представителями философии психоанализа. На основании сравнительного анализа танатологических идей, высказанных основными представителями этого направления, изучается осмысление влияния смерти на становление основополагающих витальных установок бытия человека, формирование основополагающих особенностей человеческого бытия.

Ключевые слова: смерть, личность, бессознательное, инстинкт смерти, сексуальное влечение, архетип, отчуждение, некрофилия, индустриальное общество.

THANATOLOGICAL DISCOURSE OF THE PHILOSOPHY OF PSYCHOANALYSIS

Velichko S. A.

PhD in philosophy, associate Professor

*V. I. Vernadsky, Crimean Federal University
(Simferopol, Russia)*

The article deals with the peculiarities of understanding the phenomenon of human mortality by representatives of the philosophy of psychoanalysis. Based on a comparative analysis of the thanatological ideas expressed by the main representatives of this direction, we study the understanding of the influence of death on the formation of the fundamental vital attitudes of human existence, formation of the fundamental features of human existence.

Keywords: death, personality, unconscious, death instinct, sexual attraction, archetype, alienation, necrophilia, industrial society.

В поэме «Возмездие» Александра Блока, написанной в самом начале XX века, есть строки, которые очень трудно не назвать пророческими:

«Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла

(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рёв машины,
Кующей гибель день и ночь...»

Действительно, двадцатый век, несмотря на небывалый технический прогресс, фантастический рост благосостояния среднестатистического обывателя, достижение до сей поры невиданного уровня комфортности быта его же (обывателя), и многие иные достижения остался все же эпохой скорее трагических разочарований, чем прорывных успехов! И дело не только в мировых войнах, унёсших в совокупности более сотни миллионов жизней, в различных социальных катаклизмах (революциях, путчах, переворотах), сотрясавших Земной шар большую часть Двадцатого века и не в ядерном противостоянии двух сверхдержав, длившемся почти полвека. А если точнее, то дело и в мировых войнах, и в социальных катаклизмах, и в ужасе от возможного начала термоядерной войны, но помимо всего вышеперечисленного еще и в том, что именно двадцатое столетие стало тем веком, когда, образно выражаясь, в мир пришла Смерть!

Подобно цепям, сковывавшим Кощея в сказке о Марье Маревне, различные охранительные явления, основополагающим из которых являлась религиозность, сдерживали деструктивное воздействие такого явления, как смерть, на сознание человека, помогали личности пережить все разрушающий страх осознания своей конечности, давали возможность жить без ежесекундных мыслей о том неотвратимом мгновенье, когда дамоклов меч танатоса падет на его голову!

Для верующего человека смерти как ухода в небытие не существует! Религиозный человек не верит, а знает, что его жизни не будет конца, ну а то, что для перехода на новый витальный этап нужно пройти через некий «туннель» - так ничего в этом страшного, печального и пугающего для него нет!

Но эпоха модерна восприняла религиозность как исключительно негативное явление, как тот «порождающий чудовищ сон разума», который является одним из главных препятствий на пути поступательного движения человечества в прогрессивное, светлое будущее! Мировоззрение, основанное на принципе, изложенном Тертуллианом: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребённый, воскрес – это несомненно, ибо невозможно», воспринималось модерном как однозначно враждебное. **Религиозные истины, суть которых так точно, но при этом и поэтично была изложена Тертуллианом, принципиально не постижимы для разума, пусть даже и вооружённого научной методологией.** Поэтому для модерна с его верой в разум, с его культом научного знания религия стала олицетворением того зла, без победы над которым построение общества нового типа, основанного на рациональных основаниях, просто невозможно. И, пусть и не без труда, но это «зло» было побеждено. Постепенно, во многом благодаря невиданному техническому прогрессу и росту материального благополучия, религиозная вера перестала быть тем феноменом, которое оказывает сколь-нибудь значительное влияние на формирование мировоззренческих установок как отдельных людей, так и общества в целом. Индустриальная эпоха на основе веры в вечный прогресс по сути создала новую квазирелигию. Основой этой религии прогресса по мнению Эриха Фромма стало: «триединство безграничного производства, абсолютной свободы и бесконечного счастья. Новый земной Град Прогресса пришел на смену Граду Божьему» [6, с. 384].

В сущности, о второй половине двадцатого века (по крайней мере для Европы) можно говорить как о времени победившего атеизма. Но одним из следствий этого стала утрата охранительной функции религии. Человек лишился надежды на вечную жизнь и, по сути, остался один на один с проблемой своей смертности! Град Земной не смог стать действенной альтернативой Граду Божьему!

Неудивительно поэтому, что в философских воззрениях XX века проблема смерти приобрела особую значимость. Фактически ни одно философское течение двадцатого века мимо этой темы не прошло. Возникший в конце XIX – начале XX века психоанализ, являвшийся направлением не только в философии, но и психологии, не мог не сделать вопрос человеческой смертности одной из основных тем своего осмысления.

Психоанализ является, прежде всего, направлением в психологии. Однако авторы, работавшие в этом русле, Зигмунд Фрейд и Карл Юнг, в исследовании проблем внутреннего мира человека смогли выйти на философский уровень осмысления проблемы. Зигмунд Фрейд пришел к выводу, что в человеке проявляются два основных стремления: тяга к жизни, более или менее идентичная сексуальному влечению, и инстинкт смерти, имеющий целью уничтожение жизни. Он предположил, что инстинкт смерти, сплавленный с сексуальной энергией, может быть направлен либо против самого человека, либо против объектов вне его [4, с. 17].

Большое влияние на последующие исследования проблемы танатоса оказали идеи Фрейда, касающиеся проблемы влияния смерти на формирование как особенностей внутреннего мира человека, так и его взглядов на окружающую действительность. Важное значение также имело открытие Фрейдом такого феномена, как бессознательное. В исследовании влияния смерти на формирование имманентной действительности человека понятие «бессознательное» заняло одно из центральных мест.

Истоки нашего отношения к «уходу» Фрейд искал в специфическом отношении к смерти первобытного человека. По мнению Фрейда, оно было амбивалентным: «Человек, с одной стороны, принимал смерть всерьез, признавал ее уничтожением жизни и в этом смысле пользовался ею, но, с другой стороны, отвергал ее, начисто ее отрицал» [4, с. 17]. Причина этой двойственности заключалась в том, что «смерть другого не вызывала у него возражений, он воспринимал ее как уничтожение и жаждал ее достичь» [4, с. 17]. Его же собственная смерть была для него точно так же невообразима и неправдоподобна, как ныне для любого из нас.

Однако возможны случаи, когда эти представления смыкались и вступали в конфликт между собой, оказывая определяющее влияние на становление духовного мира человека. Речь шла о тех сюжетах, когда первобытный человек терял кого-то из своих близких. Он убеждался на опыте, что человек может умереть, потому что каждый из тех, кого он любил, был частицей его «Я». Но, с другой стороны, в каждом из этих любимых была и частица, ему чуждая. Именно у тела любимого существа человек, по мнению Фрейда, выдумал «духов, воображал разложение индивидуума на плоть и душу – первоначально не одну, а несколько. Вспоминая об умерших, он создавал себе представления об иных формах существования, для которых смерть – это только начало. Он создавал себе понятие загробной жизни после мнимой смерти [4, с. 18–19].

Появлением учения о загробном мире влияние танатоса на становление особенностей имманентного бытия человека не ограничилось. Фрейд считал, что у тела любимого человека зародились не только представления о душе и вера в бессмертие, но и осознание вины, страх перед смертью и первые этические требования... «Древнейшее требование этики, зародившееся тогда, но важное и теперь, гласило: «Не убивай». Первоначально оно касалось любимого человека, но постепенно распространилось на нелюбимых чужих, а в конце концов – и на врага» [4, с. 20].

На вопрос, как наше бессознательное относится к смерти, Фрейд отвечал: «Наше бессознательное относится к смерти в точности так же, как относился к ней первобытный человек... наше бессознательное так же недоступно для представления о собственной

смерти, так же кровожадно по отношению к чужим, так же двойственно (амбивалентно) по отношению к любимым людям, как первобытный человек» [4, с. 24].

Представляют интерес идеи Фрейда, касающиеся взаимоотношения культуры и смерти. Боль потери любимого человека или только страх его потери заставляет нас всеми возможными способами исключать смерть из нашей жизни. Однако, по мнению Фрейда, жизнь теряет содержательность и интерес, когда из жизненной борьбы исключена высшая ставка, то есть сама жизнь. Она становится «пустой и пресной» [4, с. 15]. Такое оскудение жизни удовлетворить человека не может, поэтому мы обращаемся к миру воображаемого, к литературе, театру. На сцене мы находим людей, которые еще умеют умирать. Мы удовлетворяем свое желание видеть саму смерть, ставшую значительной ставкой в жизни, причем не для нас, а для другого [4, с. 15]. Такой перенос концентрации внимания с действительности на мир вымысла порождает процесс разрыва социальных связей в реальной жизни. Этот перенос является культурной предпосылкой процесса атомизации европейского общества – феномена, о котором с тревогой пишут и говорят практически все европейские мыслители второй половины XX века.

Подводя итог, можно сказать, что Зигмунд Фрейд внес существенный вклад в исследование феномена «ухода». Его идеи о двойственном восприятии человеком смерти, о воздействии танатоса на формирование этических норм, о взаимоотношении культуры и смерти оказали значительное влияние на последующее развитие танатологических исследований. Однако самым важным вкладом мыслителя в исследование проблемы «ухода» является открытие им феномена бессознательного. Известный религиозный философ Б. П. Вышеславцев феномен вечности души связывал с бессознательным. Он утверждал, что если даже смерть означает потерю сознания, то это еще вовсе не уничтожение души, это может означать только переход из сознательного бытия в бессознательное [1, с. 311].

Вслед за Фрейдом проблемами танатологии занимался другой великий представитель школы психоанализа Карл Густав Юнг. Краеугольным камнем его воззрений на явление «ухода» являлось, как и в концепции Фрейда, понятие бессознательного. Для Юнга бессознательное – это «океан, омывающий сознание. И в этом океане скрыты мотивы поведения, стили мышления, менталитеты народов» [9, с. 190].

Содержащиеся в нашем бессознательном врожденные психологические структуры (или архетипы) несут в себе знание о другом мире. Но наш привязанный к этой действительности разум не позволяет нам заглянуть за пределы нашего бытия. Однако человеку, особенно стареющему, необходим миф о смерти, иначе его ожидают лишь суждения здравого смысла, которые не подсказывают ему ничего лучшего, чем ожидающая его черная яма [9, с. 191]. Юнг замечает по этому поводу: «Отвергнувший миф шагает в ничто, а кто следует архетипу, идет по дороге жизни и полон жизни даже в момент смерти» [9, с. 338].

Смерть для Юнга ни в малейшей степени не является злом, она пугающе воздействует на нашу психику, но при взгляде на нее со стороны вечности представляется нам не таким уж и безысходным явлением: «Она покажется событием радостным, словно некая свадьба. В таком случае душа как бы обретает свою недостающую половину, она достигает полноты» [9, с. 124].

Юнг верит в существование души после смерти: «Если мы сможем распрямить такой «черный ящик», как душа, то поймем феномен жизни до смерти и тайну процесса смерти» [7, с. 192]. Однако, по его мнению, часть человечества желает полной смерти: «Есть люди, которые не нуждаются в бессмертии и которых пугает мысль о том, что десятки тысяч лет они будут сидеть на облаке и играть на арфе» [9, с. 108].

Обобщая все сказанное, можно отметить, что К. Юнг осмысливает проблему танатоса сквозь призму теории архетипов. В архетипах содержатся накопленные в течение многих поколений представления о смерти. Но они даны нам неявным образом. Они спрессованы и загнаны в подсознание, в подпочву души [7, с. 192]. Рационально жизнь после смерти

представить невозможно, но Юнг утверждает, что «должен считаться с фактом, что душа во все времена и во всех регионах утверждает опыт духов» [8, с. 282].

Приверженец философии фрейдизма Эрих Фромм в своем творчестве занимался исследованием влияния феномена танатоса на формирование особенностей имманентного бытия, а также пытался переосмыслить концепцию смерти Фрейда. Гипотеза о существовании инстинкта смерти, по его мнению, обладает тем достоинством, что она отводит важное место разрушительным тенденциям. Но биологическое истолкование стихии разрушительства не может удовлетворительно объяснить тот факт, что глубина этой потребности в высшей степени различна у разных индивидов и у разных социальных групп» [3, с. 17]. Объектом анализа Фромма становятся не инстинкты с их биологической непреложностью, а две изначальные оппозиции: высшая и глубочайшая приверженность к жизни и противостоящая ей тенденция смерти [2, с. 11]. В психике каждого человека заложены обе позиции, однако конкретный человек оказывается ближе к одной или другой ориентации [2; с. 11]. Фромм считает, что стремление к жизни и тяга к разрушению связаны обратно пропорциональной связью: «Чем больше проявляется стремление к жизни, тем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению» [3, с. 18]. Наша эпоха, по мнению Фромма, стремится подавить осознание смерти вместо того, чтобы сделать это осознание одним из важнейших стимулов жизни [3, с. 18].

Фромм подчеркивал, что среди людей есть биофилы и некрофилы. Биофильство понимается исследователем как глубокая жизненная ориентация, пронизывающая все существо человека. В ее основе лежит страстная любовь к жизни и ко всему живому; желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Для биофила добром является все то, что служит жизни, что способствует росту и развитию. Зло все то, что зажимает, ограничивает, душит жизнь [5, с. 276].

Под некрофилией Эрих Фромм понимал «страстное стремление ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей» [5, с. 284]. Некрофильство – это любовь человека к смерти. «Некрофил – антипод жизни. Его неудержимо влечет ко всему, что не растет, не меняется, ко всему механическому. Но движет его поведением не только тяга к омертвелому, но и стремление разрушать зеленеющее, жизнеспособное» [3, с. 18]. Некрофильские тенденции демонстрируются не только отдельными людьми, но во многом самим деперсонализирующимся укладом повседневной жизни [2, с. 13]. Современное индустриальное общество располагает техникой возбуждения некрофильских страстей. Все сферы человеческой деятельности обесчеловечены, механизированы и омервщлены. Поэтому некрофильство является оптимальной опорой диктатуры в любой ее форме.

Вывод: подводя итоги, можно отметить важность вклада основателей и сторонников школы психоанализа в исследование проблемы танатоса. Их идеи о наличии инстинктов жизни и смерти, о влиянии «ухода» на формирование особенностей духовного мира человека, о взаимоотношении общества и смерти, оказали существенное влияние на последующее освоение танатоса европейской философией XX века. Сам по себе феномен смерти в их концепциях не имеет отрицательного характера. В большей или меньшей степени все они признают танатос позитивным явлением. По Фрейду, смерть опосредованно являлась причиной рождения этических норм, для Фромма она была сильнейшим стимулом жизни. Для Карла Юнга смерть – тот положительный феномен, благодаря которому душа обретает свободу и самостоятельность.

На окружающую действительность отрицательно воздействует не столько сам танатос, сколько заложенная в человеческой психике приверженность к смерти. Переосмысленная

Фроммом и ставшая одним из полюсов фундаментальной оппозиции человеческого сознания «био – некро», эта некрофильская тенденция стала осмысливаться как явление, обладающее ярко выраженным деструктивным характером. Во многом именно феномен некрофилии становится той движущей силой, которая порождает в сознании человека, подавляющего в себе стремление жить, стремление к разрушению всего живого.

Список литературы

1. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса – М.: Республика, 1994. – 342 с.
2. Гуревич П. С. Разрушительное в человеке как тайна // Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994. – С. 3–14.
3. О смерти и бессмертии. – М.: Знание, 1991 – 64 с.
4. Фрейд З. Мы и смерть // Рязанцев С. Танатология. – СПб., 1994. – С. 13–27.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности бытия. – М.: Республика, 1994. – 447с.
6. Фромм Э. Быть или иметь. – М.: АСТ, 2007. – 602с.
7. Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен. – К.: Ника-центр, 2003. – 320 с.
8. Юнг К. Г. О жизни после смерти: тайна смерти. – М. : Рипол, 1995. – 512 с.
9. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. – М. : Прогресс, 1993. – 330 с.

МОТИВАЦИИ В СОЗДАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Глебов О. А.

*Аспирант, Школа философии, Факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

УДК 130.2

Автор рассматривает мотивации в создании искусственного интеллекта и на основе историко-философского исследования приходит к выводу о наличии познавательной и прагматической мотивации в создании искусственного интеллекта, а также следующих из них двух моделях искусственного интеллекта.

Ключевые слова искусственный интеллект, философия искусственного интеллекта, философия культуры, антропология, homo economicus

MOTIVATIONS FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE CREATION

Glebov O. A.

*Postgraduate, School of Philosophy, Faculty of Humanities.
National research university «Higher school of economics»
(Russia, Moscow)*

The author examines the motivations in creating artificial intelligence. The author carries out historical-philosophical research and comes to the conclusion that there is cognitive and pragmatic motivation in the creation of artificial intelligence. As well as the following two models of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, philosophy of artificial intelligence, philosophy of culture, anthropology, homo economicus

Вопросы об искусственном интеллекте имплицитно содержат в себе такую установку, в рамках которой, известно, что из себя представляет интеллект естественный. Ведь чтобы искусственно воссоздать естественный интеллект необходимо иметь полноценный пласт знаний о последнем, который станет основой для искусственного воссоздания. Обратимся к